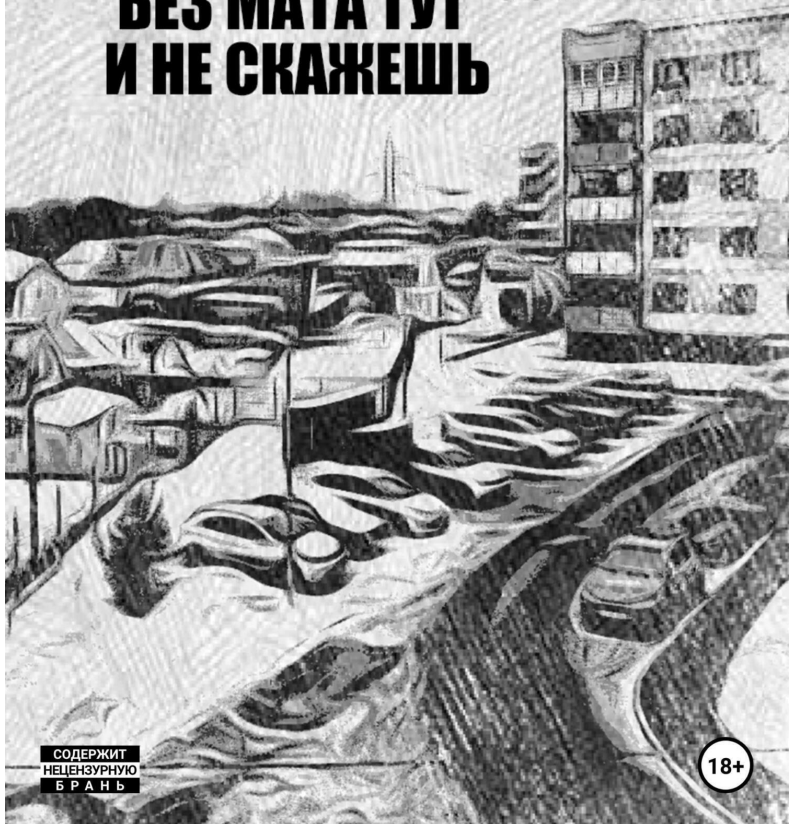

ВИТАЛИЙ ШТОЛЬМАН

**БЕЗ МАТА ТУТ
И НЕ СКАЖЕШЬ**

СБОРНИК РАССКАЗОВ

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Виталий Штольман

Без мата тут и не скажешь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68848164

SelfPub; 2023

Аннотация

Масса зарисовок и ситуаций, которые могут случиться у каждого. Нелепые. Смешные. Волнительные. Грустные. Герои рассказов – самые обычные люди, которые сталкиваются с проблемами современного мира. Сатира и драма о людских мечтах, желаниях и пороках. Каждая история побуждает читателя задуматься над мелочами, что складываются в целую жизнь.

Содержание

Сатанисты	5
Заведующий	21
Художник	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виталий Штольман

Без мата тут и не скажешь

Все персонажи вымышлены, а совпадения случайны.

Сатанисты

– Евгения, ты не поверишь!

– Денег не дам!

– Я нашел работу.

– А подвох в чем?

– Могла бы и порадоваться.

– А как же мечты стать великим писателем, который не должен быть обременен мытарствами бытия?

– Теперь я – журналист! – с гордостью парировал выпад жены.

– М-м-м, что-то новенькое!

– Меня взяли в газету.

– Какую?

– «По ту сторону».

– От чего?

– Газета так называется. У нее редакция на Заречной.

– Где это?

– Где-где? В Люберцах. Видала? Пропуск даже дали, – я сверкнул пластиковым прямоугольником со своей помятой рожей и чипом под ней. – Все серьезно, как никогда, дорогая!

– Вот дурак-то, – засмеялась Женька.

– Я теперь буду рассказы свои печатать на второй с конца странице. Снизу.

– Так ты ж там материшься!

– Звездочками, сказали, закроют. Редактор в восторге. И вообще, меня там ценят. Уже поручили журналистское расследование.

– Какое? Ты сахар-то на кухне на прошлой неделе полдня искал. Шерлок хренов.

– Я вступаю в секту.

– Куда?

– В секту!

– Ой, иди уж, сектант недоделанный.

– Мне даже имя новое дали для прикрытия.

– Какое?

– Спроси меня: «Кто ты, воин?»

– Зачем?

– Спроси, говорю, так надо!

– Кто ты, воин?

– Я – Кирос, сын Кориата.

– Грек, что ль? – захохотала Женька.

– Да!

– Это из какого фильма?

– Из «Трои».

– Такой дурак ты, Штольман! Зачем я только за тебя вышла замуж?

– Я невероятно красив и умен!

– Ну-ну!

Так я и ушел, непонятый женой в очередной раз, однако новоиспеченную ищейку Штольмана уже не остановить.

Мне было поручено разоблачить ячейку сатанистов, скрывающихся под ликом развития личности и главенством Валерия Леопольдова. Чтобы поймать преступника, нужно думать, как преступник, потому моя журналистская чуйка, что еще ни разу меня не подводила, подсказала, что надо внедриться и узнать все секреты изнутри. Слуги сатаны звали себя «Реформацией личности». Так-так-так. Что у нас тут?

На сайте красивыми буквами было написано о наборе 29-го потока онлайн-курса, где преисполненный в этом мире Валерий Леопольдов и его соратники прореформируют мою личность. Ого, тут еще и кастинг. Оказывается, в секту берут не всех. Пришлось заполнять анкету. Паспортные данные вводить не надо, душу дьяволу продавать тоже, по крайней мере пока. А это что еще за запрос? Погуглил. Обязательно быть ущербным. Ну ок, с этим порядок. Алкоголизм, склонность, мания величия, думаю, достаточно. Через 5 минут мне пришел ответ. Теперь я официально вступил в секту.

Вначале все происходило в онлайн. Лекции. Семинары. Даже пришлось вертеть лицом на камеру и что-то говорить. Меня окружали очарованные люди. В сети, как ни странно. Даже назначили куратора, который явно сбежал из дурки. И создали некое мини-сообщество в чате, где реформаторы личности ныли и извергали потоки говна, что накопилось в их душах. Рассказал им, что пункт приема металла в соседних гаражах закрыли, и придется тащить катушку с медным проводом, что я нашел в оставшемся по наследству от

бабки сарае, в соседний район. Был не понят. Черствые суки. Эта боль разъедала меня изнутри. Как могли не понять? Пришлось слушать дальше про ощущения неполноценности и основы всяких восточных течений, да выполнять различные задания, но игра стоила свеч. Правда, до босса добратся пока не удалось. Валера Леопольдов, словно грамотный мафиози, руководил из подполья. Ну ничего. Агент Штольман выведет тебя на чистую воду.

Финалом курса был выход в офлайн и поездка на Селигер, которая будет пропитана полным погружением в осознание. Так сказал мне куратор. А квартиру на вас не переписать, чертовы слуги сатаны? Сие мероприятие было уже не бесплатным. 10 тысяч рублей. Это ж охренеть просто. Мне срочно нужен был инвестор, и это должна быть не жена, ибо я только недавно вырос в ее глазах, найдя работу. В редакции мне открытым текстом заявили, что о финансировании и речи быть не может. Зато материальчик им подавай. Прохиндеи. Во славу моей бабки я потащил катушку с медным проводом. Ноша оказалась не по силам. Завербовал в свой отряд парочку забулдыг из соседнего подъезда за бутылку дешевой водки, и испытание было выполнено, причем с пользой для секты. Я вышел из зоны комфорта, расширил окружение, был коммуникабелен и решил сложную задачу. Тут даже мои сатанюги хлопали в ладоши и говорили, какой Виталий молодец. А я – молодец, главное, чтоб жена не узнала. К великому счастью, путешествие запланировано с пятницы

по воскресенье, что совпадает с поездкой Женьки к родителям. Я бы и так отморозился, ибо отношения с тестем оставляют желать лучшего, а тут целый повод. Пусть думает, что упаду в синюю яму, а я на Селигер. Хитро? Хитро! Там, кстати, пить нельзя и курить. Они типа про ЗОЖ. Если с первым я еще готов потерпеть, то курить буду, пусть хоть молниями в меня кидаются. Я все-таки не идейный, а по работе.

Утро пятницы началось со сборов. Найдя на балконе старый рюкзак, я стал набивать его приспособлениями для выживания, причем кинул туда пару банок тушенки, а то вдруг тусовка будет веганская, чему я вообще не удивлюсь. Кого только среди этих слуг дьявола нет. И травоеды, и сыроеды, и чего-то там еще еды. К мылу взял и бельевую веревку, вдруг появится желание покинуть мероприятие раньше. Душу продавать им я точно не собираюсь.

Далее маршрутка, электричка, метро, и вот я в окружении «единомышленников» еду на Селигер. Эти развивальщики даже в пути не могли остановиться от прокачивания своей личности. Устроили какое-то анкетирование. Примерно то же, что и на сайте, только в устной форме, да еще и снимали сие на камеру. Ну на хер, я спать. На заправке меня разбудили вопли, ибо мои попутчики раскатали коврики и начали медитировать прямо на ближайшем газоне, хваля великого Валерона, открывшего им путь к тайнам Вселенной. Охранникам это не понравилось, беседа шла на повышенных тонах. Слуги дьявола вопили о своих правах, за что кого-то да-

же огрели резиновой палкой по хребтине. Я повернулся на другой бок, ибо тот отлежал, и отправился к Морфею. Оказалось, что на Селигере нас отправят лодками на остров, откуда заберут лишь в воскресенье. Это чтоб никто не сбежал? Что они собрались делать с людьми? Начал немного переживать. Проверил, взял ли нож с собой. Взял. Отпустило.

Под вопли счастливых ебальников мы добрались до острова. За нашу десятку нам возвели шатер со столами и полевой кухней рядом, а в лесочке поставили палатки. Каждому выдали по спальному мешку. Лодки все прибывали и прибывали. Человек 50 по итогу, не меньше. Добавить бы сюда гитарку и ящика 3 водки, мероприятие стало бы кайфовым. Пока оно – унылое говно.

На последней лодке прибыл и преисполненный в этом мире Валерон Леопольдов. Сатанисты заскандировали имя своего лидера. Он махал им рукой, словно солнцеликий, ведущий свой народ к светлому будущему, а когда нога его ступила на землю, раздались аплодисменты. Еще бы на колени встали и начали обнимать ноги главного слуги сатаны, да целовать песок, по которому он ходил. Я бы не удивился. Он подошел к каждому, спросил его имя и обнял. Сие Валерон назвал тактильным единением. Тебе б за такое единение с незнакомыми людьми в где-нибудь на периферии башку бы отбили, единатор чертов. Пытался отвертеться, но объятия чудесного достали и меня. Было неприятно и холодно. Атмосфера не казалось дружелюбной.

Осознанный ужин был с гречкой и мясом. Армейский ба-
чок полевой кухни выдал забытый вкус моей бурной моло-
дости. Ропотливые веганы, что скучковались с краю стола,
обламывались огурцами и помидорами, но вроде были до-
вольны.

Пока все заглядывали в рот Леопольдова, я мечтал о вод-
ке. Сейчас бы как с озера ее холодненькую достать да пу-
стить по горлу, закусив солененькой помидоркой. М-м-м.
Пришлось пить чай. Без сахара. Горите в аду. Затем все усе-
лись у костра, который, естественно, возглавлял улучшен-
ный до максимально возможного уровня Валерон, и он на-
чал соединять всех с космосом. Пока никто квартиры ему
не отписывал. Странно. Зато лилась знатная поебень про по-
требительство, собак, грызущих кость, жертв удовольствий,
культ красоты тела и прочее. Не хватало бубна и шамана в
звериных шкурах и с раскрашенным лицом. Сатанисты хвата-
ли на лету каждое слово своего верховного лидера и, рас-
кладывая его на атомы, глотали, принимая за чистую монету.
Я оказался в самом эпицентре зомбирования. Снова захоте-
лось водки. И сала. Знаете, такого с мясной прожилочкой,
мягкого-мягкого, что тает во рту. Вот берешь кусок и мака-
ешь в ядреную горчицу или хрен, но сначала холодненькой, а
потом горяченьким сверху. Вот где, Валерон, связь с космо-
сом! Вот где осознание истинного счастья! А если добавить
интересную беседу и прекрасных дам, м-м-м, красота.

– А вам, что, совсем не интересно? – прошептала какая-то гадюка, что сидела рядом со мной. – Сам Валерий Леопольдов говорит, а вы где-то витаете!

– Воистину великий человек! – прошептал я ей на ухо, чем вызвал одобряющий вздох. – Понимаете, милочка, я медитирую, чтобы голос нашего лидера проникал в самое сердце!

– О-о-о, вы уже прокачанный человек!

– Не то слово, вы слушайте, слушайте! Сам Валерий Леопольдов говорит.

Я вернулся к своему салыцу и водочке. Может, теща передаст мне гостинцев. Она вообще святой человек. А тестяга – дьявол, это он, похоже, создал Валерона, чтобы тот глас его нес в более человеческой форме по миру, да забирал души во служение дьявола.

Преисполненный в этом мире все нес и нес свою поебень. Затем за дело принялись его главные приспешники. Чуть выше дна, потом движение от дна. Другие ценности. Вспомнили даже Фрейда и самураев. Зачем? Непонятно!

Под видом нужды я покинул сей совет огня и магии и направился в лес. В губах моих на автомате появилась сигаретка. Я вышел на другую сторону острова. Луна играла на воде. Стрекотали какие-то насекомые. Тишина после пиздежа – истинное счастье настоящего человека. Побалдев от вида и уничтожив еще пару смертоносных палочек, именно уничтожил, ибо зло должно быть повержено, я побрел к своим

идеологически разложенным товарищам. Не думал я, кстати, что буду, как школота позорная, по кустам цибарки тянуть.

– Виталий, Виталий, вы что потерялись? – подбежал ко мне какой-то Антон. На самом деле я не знал, как его зовут, но пусть будет Антоном. Мне так проще.

– Отнюдь, сударь! – парировал я его интерес.

– А что ж вы так долго по лесу бродили, что все прослушали?

– Знаете ли, единение с природой. Нахлынуло что-то, поддался потоку и как понесло, и как понесло! Разбираю теперь инсайты.

– О-о-о-о, вы уже прокачанный человек!

«Хули эти сверхразумы восхищаются моему пиздежу? – подумал я. – Он же читаемый, как Евгений Онегин в девятом классе. Похоже, я теперь второй человек на этом острове по сатанелости». Вслух же сказал: – Время осознанных сновидений, мой друг.

– А вы и это можете? – восторженно выдал Антон.

– Конечно.

– А что вы там делаете? Летаете? Строите города? Общаетесь с предками? А будущее вам уже предсказывали?

– Да, общаюсь с Чеховым. Иногда Довлатов заходит на огонек. Видел там Буковски, английский мой слаб, но чую, он гневное что-то говорил. Надо бы подтянуть, чтоб и с ним болтать. Проработаю этот вопрос в перспективе.

– Ого-о-о.

– Вот вам и ого-о-о. Ладно, я спать, Антон Палыч не любит ждать, сами понимаете, великий человек.

– Не смею мешать.

– Уберите эту спираль от комаров, а то устроили, понимаешь ли, Освенцим.

Антон метнулся, чтобы исполнить просьбу человека с наивысшим уровнем осознанности. Позже в палатку набились еще трое, но спать удалось лишь мне, ибо трезвый я храплю, как мамонт. Спать не значит выспаться. В 5 утра раздался горн. Пионерский, мать его, горн. Откуда вообще?

– Виталий, Виталий, вставайте! Скоро уже зарядка! – тербил меня за плечо Антон. Рожа его сияла, как котовые яйца. – Сейчас Валерий покажет нам магию утра! Вставайте! Вставайте!

– Антон, пошел ты на хуй со своей магией утра! – отвернулся я на другой бок, а то морда его слишком светила в глаза.

– Но я не Антон! Я – Георгий!

– Прости, обознался!

– Вы должны это прочувствовать!

Я хотел втащить ему ногой, но, к счастью, спальный мешок спас его тощее тело. А потом зазвучала песня. Гимн «Реформации личности». Все сатанисты пели ее хором. А-а-а, что за антиутопия? Где моя веревка? Пришлось встать. Зарядка, к счастью, закончилась. Люди стали прыгать в озеро с мостка, причем в чем мать родила. Среди них были жен-

щины. Такое единение с природой мне пришлось по душе. Зрелищу я был рад, а вот купаться – ни за что.

После следовал осознанный завтрак без мяса. Веганы побеждали, но я был вооружен, в ход пошла прихваченная с собой тушенка. Голыми руками сатане меня не взять. Поймал на себе злостные и осуждающие взгляды. Окружен, но не сломлен. Изобразил наслаждение. Веганы отступили, шипя и извергая кислоту из своих тощих телец.

К полудню в бой вступили йоги, которые обманом заманили меня в лес, земля которого была усыпана досками с гвоздями.

– Боль откроет новое измерение, – монотонно изрек какой-то паренек, который, похоже, тоже преисполнился в этом мире или кто-то из восточных высших существ говорил чрез него.

Валерон своим примером показал, что это не больно. Верилось с трудом. Слуги сатаны разделились на пары. Один стоял, другой держал и вытирал слезы и сопلي первому. Мне в пару вызвался Антон. Слово каменья были его ступни, ибо эмоции отсутствовали на лице. Алло, чувак, там острые гвозди! Мы поменялись. Я орал, вцепившись в плечи Антона. Легче не становилось. Антон предложил дышать глубоко. Вдо-о-о-о-х-в-ы-ы-ы-ы-дох. Вдо-о-о-о-х-в-ы-ы-ы-ы-дох. Орать помогало больше. Если пропустить весь мат, то мой монолог выглядел примерно так: «...-колотиться, вы там че ... что ль? ... в ..., на по ... ух я вам сейчас ... по

... в ... на...!» И так далее. Великий и могучий лился во всей красе. Женщины закрывали уши, мужчины осуждающе смотрели.

– Виталий! – ко мне подошел сам Валерон.

– Хули, блять, Виталий! Мои ноги! Мои ноги!

– Слушайте мой голос! – словно не обратив внимания на мой выпад, ответил он. – Виталий! Дышите глубже, познайте поток, что внутри вас открывается! Вдо-о-о-о-х-в-ы-ы-ы-ы-дох. Вдо-о-о-о-о-х-в-ы-ы-ы-ы-дох.

Знаете, как бывает? Ты стойко что-то терпишь-терпишь в надежде, что все пройдет, а оно не проходит. Недовольство сначала уговаривается разумом, но со временем сначала слышно шепот, затем уже нормальный голос и наконец ор, нарушающий красную линию терпения. Линию, которую нельзя пересекать, ибо случится ядерный взрыв. С массовыми жертвами. Так случилось и в этот раз. Сатанисты сами напросились. Я терпел. Долго терпел. Но всему, как говорится, приходит конец.

– Да пошли вы все в пизду, сборище задротов! – я демонстративно завершил упражнение и пошел в сторону, но вспомнил, что забыл ботинки. Наступил на шишку, больнее было, чем от гвоздей. Вернулся. Взял ботинки. Они все молча смотрели на меня! Ненавистно плюнул в их сторону. Пошел собирать вещи. С меня хватит. Пока сатанисты единились с лесом, защищая муравейник, я стоял на берегу и орал лодочникам. Однако ж лодочники оказались гондольерами,

ибо не увидели и не услышали меня. Пришлось присоединиться к ужину, где все всячески пытались меня поддержать, чем знатно заебывали. Я гавкал и кусался, как дворовый пес. В рейтинге сатанизма я стремительно падал, потому решил закурить прилюдно прям от лагерного костра. Валерон долго смотрел на небеса и заявил, что меня срочно надо вернуть на путь исправления, для начала смыв всю негативную энергетику. Сатанисты окружили меня, вытесняя к озеру. Но близко не подходили. Не зря я прихватил с собой выкидной нож.

– Вы чего, падлы позорные? Толпой меня замесить собрались?

– Виталий, не сопротивляйтесь! Так только хуже будет. Валера знает, что делает! Валера приведет нас к связи с космосом! Валера откроет тайны Вселенной! Валера! Валера!

– Да он объебывает вас этой всей хуйней!

– Что-о-о-о? – Из толпы выскочил Валерон. – Ты усомнился во мне?

– Я и не верил в тебя, пиздабол. Давай метни в меня огненным шаром, маг херов. Ну че? Нет? Говорю ж, пиздабол!

– Уберите нож, давайте поговорим как цивилизованные люди.

– Лодку мне сюда вызови.

– Виталий, нам надо разобрать ваш кейс, все плюсы и минусы этой ситуации, а также инсайты, которые можно из этого извлечь.

– Лодку, сука! – орал я.

– Хорошо, хорошо!

Валерон по радиии связался с лодочниками, которые обещали приплыть через какое-то время.

– Люди! Вы не видите, что он пиздит, как Троцкий? Он ничего этого не выдумывал. Нет тут уникальных методик. Все целеполагание он в армии украл. Я служил, видел. Все эти постановки задач, бесконечные планы, подведения итогов. Да и все остальное откуда-то тоже спиздил.

– Вы ошибаетесь, – фыркнул Валерон.

– А ведь и правда, – откликнулся Антон, – отсылки есть, как неожиданно. Валера применяет армейские методики. Великий человек.

– Великий человек! Великий человек! – шептала толпа.

– Я проводник слепых людей в мир осознанных, – магическим голосом вещал Леопольдов.

– Слышь, идущий к реке, завали уже! Я за вещами, и пусть только хоть одна падла сатанистская ко мне подойдет, порежу на хуй! – Держа нож на вытянутой руке и периодически истерично помахивая им, можно открыть любые двери, даже те, что не существуют. Запишите! Философ Виталий Штольман. Из хроник Селигерского путешествия.

– Виталий, Виталий, у вас еще есть шанс все исправить и осознаться, – нарисовался предо мной Антон.

– Блять, ты еще хули пристал? Я в закат, больше не увидимся!

– У нас же наш чат единомышленников!

– Антон, ты – долбоеб?

– Я – Георгий! И я не долбоеб! Валера говори... – осекся он.

– Вот видишь, – перебил я его, – у тебя даже своего мнения нет, а лишь Валероновское. Все, бывай, – я похлопал его по плечу и пошел.

Водная карета прибыла.

– Так завтра ж у вас отъезд, – возмущался лодочник лишнему рейсу.

– Да все, преисполнился я в этом мире, – запрыгивая в такси, зло ответил я.

– Странные вы какие-то.

– Они.

– Что?

– Заводи уж мотор, капитан. Вези меня с этого проклятого острова.

– Это я могу, – повеселел мужик.

Добираться пришлось на попутках. Какой-то дед докинул меня до Торжка, а там дальнобой сжалился над бедолагой у дороги. Весь путь до Москвы он ржал, как ретивый конь, над моей историей, а вот редактор газеты сей материал не оценил, наотрез отказавшись его публиковать. Я потребовал возместить мне 10 тысяч ущерба и еще накинуть за моральный. Получил отказ. Послал их всех. Уволили. Расстроился, но не сильно. Знатное вышло приключение, финал которого стоило обмыть. Ну и обмыл.

Утром я сидел на балконе, попивая кофе под сигаретку, и размышлял о высоком. О своей больной голове. В двери зашерудили ключи.

– Привет, чего сидишь грустишь?

– А чего веселиться? – вздохнул я.

– А я тебе салыца маминого привезла.

– Спасибо!

– Ну улыбнись, что ль!

– Голова болит!

– Как дела на работе?

– Выгнали!

– Как это выгнали?

– Был не понят.

– Снова?

– Да! Не понят в секте, не понят в газете. Журналистика еще не готова к философии Виталия Штольмана.

– Ты неисправим.

– Одна радость в моей жизни.

– Я? – игриво улыбнулась Женька.

– Тещино сало. Доставай уже. Страсть как хочу!

– Вот дурак!

– Тоже тебя люблю.

– И сало?

– И сало.

Заведующий

Больной зуб заставил меня снова обратиться к народной медицине. Еще пред первыми петухами я направился в поликлинику, чтобы получить заветный талончик. Выдавали их ровно с 8 утра на весь день, минута промедления могла стоить часов ожидания избавления от боли. Аппараты, выдающие талоны, конечно, были, однако ж они стали частью декора поликлиники, потому от руки их выписывали теточки из регистратуры.

Естественно, я приехал заранее, чтобы взять талон на 9. Тоже очень интересный вопрос. Их выдают с 8, а прием через час. Жди тут, страдай! А в поликлинике еще и атмосфера очень напряженная. Персонал злой, как собаки, гавкают на всех и ходят по узким коридорам словно танки, идущие в атаку через баррикады, а слово «извините» вымерло там вместе с мамонтами. Народ негодует на долгие очереди, да и в целом.

Чтобы не снимать и не надевать бахилы, я решил покурить вдоволь перед заходом, а то ж следующий раз будет часа через два, не меньше. Иду я, значит, вдоль заборчика поликлиники с внешней стороны, быстро тяну папироску. С таким расчетом, чтобы она закончилась не позднее появления калитки пред очами моими. Прямо знак «Стоянка и остановка запрещена», куда по-хозяйски перед моим носом заезжает

дед на внедорожнике и паркуется. Во, думаю, идиот, ослеп, что ль? Знак же. Выбрасываю сигаретку метким выстрелом с щелбана на проезжую часть и захожу в калитку.

– Молодой человек! – окликает меня дед из машины.

Я поворачиваю голову. Пауза. Длительная. Стою в калитке, жду, пока он разродится.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте!

– Я заведующий поликлиникой.

– И? – подумал я, но решил подождать развития событий.

– А вы к нам зачем?

– Зубы лечить.

– А зачем вам зубы лечить, вы же здоровы?

– В смысле?

– Ну, раз курите, значит, здоровы!

«Обалдеть у тебя, дядь, логика, конечно!» – снова подумал я, четко решив не продолжать эту потрясающую беседу.

Все 20 метров до поликлиники он причитал о вреде курения и, как следствие, моем богатырском здоровье. На входе я занял место у регистратуры, которая начинала свою работу ровно в 8.00 и ни секундой раньше. Моя задача была получить заветный талон на 9 и костыми лечь, но не пропустить никого вперед себя. Заведующий, шедший сзади и тщательно вытирающий ноги о каждый коврик, а их было три, наконец-то попал в свою вотчину, а тут снова я. Шарманщик запел свою песню вновь, причем привлек к исполнению двух

охранников, напоследок сказав им, чтоб наказали меня.

– Как наказывать-то будете? – заржал я, когда их босс скрылся из вида.

– Да не слушай его. Он всегда ерепенится, когда кто-то курит у входа или забора, – ответил один из охранников, который явно был повеселее своего соратника.

– А ничего, что он прям под знаком припарковался, праведный ваш?

– Это его место.

– Под знаком?

– Ага.

– Чудесно.

– Это он еще в хорошем настроении был.

– А что ж бывает, когда он в плохом?

– Не спрашивай.

«Война, так война», – подумал я и набрал 112, чтобы сообщить о злостном нарушителе парковки.

Дождавшись заветного часа, мое тело в страхе и ужасе опустилось в кресло стоматолога. Все оказалось не так страшно, просто надо было поменять пломбу.

– Наркоза нет, потерпишь! Да тут и дел-то на пять минут! – сообщила мне врач.

– Хорошо! – собрав все силы в кулак, выцедил я.

Однако было не очень хорошо. Во время бурения скважины пару раз прострелило так, что чуть глаз не вывалился, а когда магистр зубного дела принялась заляпывать цементом

образовавшееся отверстие, в поликлинике вырубился свет.

– Опять фазу выбило! – равнодушно вздохнула ассистентка врача.

– Зоя, иди посвети, чего расселась!

Зоя зажгла факел на своем телефоне и направила мне в рот, лекарь ваяла скульптуру нужной формы. Спустя 20 минут запустили генератор, но свет включился в соседнем кабинете, у зубного хирурга.

– Пойдем туда, я тебе досверлю, чтоб рот закрывался нормально.

– Ага.

– Зоя, что-то тут бур плохо держится!

– А я чего сделаю, Валентина Михална?

– Да тут и дел-то на пять минут! – и принялась сверлить.

Я вновь напрягся, но к счастью, сие чудо техники не развортило ротовую полость. Спасенный человек в моем лице решил незамедлительно покинуть цитадель здоровья.

Выйдя, я увидел, как эвакуатор увозит машину заведующего поликлиникой. Сразу на душе как-то полегчало. Даже причиненные мне страдания были забыты.

– Твоя? – спросил у меня представитель правопорядка.

– Не-е-е! Я ж не дурак под знак ставить.

– Вообще ничего не бояться. Благо есть добропорядочные люди. Сообщили!

– Вот-вот.

Эвакуатор тронулся и поехал, спустя несколько секунд

скрывшись за поворотом.

– Сигареткой не угостишь? – спросил у меня страж дорог.

– Держите!

Закурил и сам. Из поликлиники выбежал заведующий.

– Да увезли пару минут назад! Как же вы так прямо под знаком поставили? Не заметить было сложно!

– Как же, как же! А вот так же!

Я картинно пускал дым. На лице моем была явная ухмылка. Злорадная такая.

– Тут поликлиника, чего курите? – завопил заведующий.

– До свидания, – ответил я и пошел прочь.

1-1, счет равный, дядь.

Художник

– Ай да, Аня, ай да, красотка, – восхищался тренер, увидев, как она четким ударом ноги в челюсть вырубилла мужика на ринге тренировочного зала.

– Спасибо, тренер!

Аня в кикбоксинге уже не первый год. С девчонками ей тренироваться было неинтересно. Не тот уровень. А вот зарубиться с мужиками – в самый раз. Особенно когда она побеждала их, гордость распирала ее изнутри. Аня – вообще девочка не промах. Она – десантница с парой сотен прыжков. Стреляет, как ковбой, и бегаёт, как его лошадь. Да ещё и недавно получила заветное звание «КМС». Мужики принимали её за свою, ибо пила она наравне с ними. Все это скрывалось за девочкой с вполне хорошей фигурой и милым личиком. Иллюзорный диссонанс во плоти.

Однажды с утраца бытовая жизнь направила её в «Пятерочку» у дома.

– Уважаемая и прекрасная сеньорита! – подрулил к ней караулящий людей на входе местный алкаш. Руки его тряслись, а организм требовал лекарства. – Не соизволите ли вы честному работяге...

– А ну съебал отсюда! – не дослушав нарушителя своего спокойствия, дерзанула ему Анна.

– А чего так резко-то? – в голосе его звучали явная обида

и возмущение.

Аня исподлобья зло посмотрела на него, и алкаш решил ретироваться.

Она и так встала не с той ноги, да еще и этот хлыщ в 8 утра. В воскресенье. Откуда они вообще берутся в такую рань? Жизнь – игра, а правила ее – поиск синьки, чтобы упороться? Идеальная такая жизнь, если ты погружаешься на дно.

В продуктовом к ней приебался еще один потрясающий тип. Именно приебался. В тот момент подходило именно это слово. Художник, что ли, судя по мольберту в сумке, висящей на его дохлом плечике. Цветной шарф и беретка. Беретка, блять. Кто сейчас вообще ходит в беретке? Что это за полупокер вообще?

– Здравствуйте, не поймите меня превратно, вы мне так понравились.

– Чего-о-о, блять? Откуда вы вообще беретесь сегодня такие юродивые? Ты себя в зеркало видел, додик? Я ж тебя левой одной перешибу, если не отвалишь.

– Да нет же, вы мне понравились как объект для моей картины. Я – художник.

– Слышь, художник, я сейчас вот прям не в духе. Иди-ка ты подбру-поздорову, пока я тебе твои кисти меж мольбертов не запихала.

– Что же вы ругаетесь, я лишь...

– До свидания!

– Но...

Аня посмотрела на него сурово, словно она пред боем за титул чемпиона мира на «Битве взглядов», художник осекся на полуслове. Что ж за день-то такой? Единственный выходной на неделе, и уже за утро два мудака, что пытались вторгнуться в ее личное пространство. А это, знаете ли, опасно! Анна не всегда дипломатична. Жизнь в Ростове и служба в ВДВ по контракту научила ее меньше разговаривать и больше бить. Сегодня что-то смалодушничала, за что корила себя. Но кого там бить-то? Алкаш, которому три вздоха и так осталось, или этот с мольбертом? Он и так бедолагой уродился.

Аня вообще и за мужиков-то их не считала. Что ты за мужик такой, если не можешь пробежать 10 километров, а потом еще вступить в неравный рукопашный бой с толпой отморожков. Таковы идеалы. Чем квадратнее лысая башка и крепче мускулы, тем лучше. Мужик – это тот, кто и в огонь, и в воду, и в медные трубы. А не вот эти слюнтяи, что ходят зимой в коротких штанишках, обмотав свою тонкую шейку километровым шарфом для сбора стекающих соплей, или скатившиеся одноклеточные, жаждущие добить свое тельце каким-то суррогатом.

Всю следующую неделю Аня занималась тем, чем обычно. Бегала, прыгала, била кирпичи о голову, да мужиков на тренировках по кикбоксингу.

– Аня, активнее работай, активнее, – орал на нее тренер, и она работала, работала активнее. – Во-о-о-от, так-то лучше!

Федор, а ты чего там с бабой справиться не можешь?

Федор с бабой справиться не смог, пропустив в печень.

– Все молодцы, Аня, подойди!

– Да, тренер!

– На соревнования поедешь! Победа твоя! Сто пудов!

– Хорошо! – еще не отдышавшись, говорила она. – Когда?

– Через месяц.

– Хорошо!

– Ань, тут это, какой-то клоун тебя спрашивал!

– Какой еще клоун?

– Художник, что ль, какой.

– Чего?

– Да я ебу что ль, Ань! На выходе он. Давай. До завтра.

– Хорошо, тренер!

Сказать, что Аня была не зла, ничего не сказать. Похоже, этот «пятерочный полупокер» следил за ней, иначе как он тут оказался. Не переодеваясь, она вышла из зала. Вонючая и блестящая от стекающего по ней пота. И ждал ее действительно он. «Пятерочный полупокер». С мольбертом и в беретке. Стабильно мудаковато. Аня с ходу прижала его к стенке, одной рукой взяв его за шею, а второй обозначив намерения на удар.

На руке своей она почувствовала какой-то крем, которым он смазывал себя. Ну точно полупокер. Ане стало слишком мерзко, отчего она еще сильнее сдавила его шею. Додик захрипел.

– Ты че, сучилище, меня преследуешь?

– Ан...на, Ан...на! Пу....с.....ти...те!

– Ты еще и узнал, как звать меня? Ах ты ж тварь такая! – конец фразы художник дослушивал в полете.

Повелитель беретки упал с не меньшим грохотом, что и его мольберт. Аня ринулась на него, но тот выставил руки пред собой, моля.

«Не бейте! Не бейте!»

Но пущенную ногу Ани, что врезалась в фанеру художника, уже было не остановить, тот кувыркнулся еще пару раз по земле.

– Выслушайте! Выслушайте!

– У тебя 30 секунд.

Художник пополз до своей сумки и выудил оттуда карандашный рисунок. На нем была она. Аня. В карандаше. Словно фотография. Аня охуела.

Никто прежде не рисовал ее. Все ухаживания от ее бравых десантников заканчивались на налитой рюмке да нелепых мычаниях, когда кто-то пытался совратить ее. Чаше по пьяни. Анька и сама была не прочь выпустить пар в кровати, однако мгновенья любви кому попало не доставались. С детства с понятием. Блядей не уважали, хоть и желали. Но Аня ровная девчонка, пацаны уважали.

– Анна, я вижу в вашем лице огромный потенциал. Будьте моей Моной Лизой. Вершиной моей карьеры художника. Мы будем встречаться, когда вам удобно. Картину я подарю вам.

Не переживайте.

– Хммм, – Аня заинтересованно задумалась, – а встречаться нам зачем?

– Вы будете мне позировать. А я с вас писать.

– Слышь, – снова замахнулась на художника она, – еще я, блять, перед тобой голой не сидела!

– Извольте! Извольте! Анна! Не надо наготы! Вы будете в одежде! В любой! Как вам удобно!

– И чего, долго сидеть?

– Процесс длительный.

– Так, жди тут, позже договорим.

Аня пошла переодеваться и в душ. Странные мысли залезли в ее голову. Никогда бы она о себе не подумала, что может согласиться на предложение этого полупокера, однако ж в каком-то фильме она видела подобное действо. Стоя под душем в тишине, ибо девчонок в зале не было, она представила себе, как принесет картину в казарму и повесит у себя в каптерке. Вот-то все охуюют. Но ведь придется как-то не придушить этого вежливого оленя. Такой он, конечно, тошнотный. А если он слюни пускать начнет на ее шикарное тело? Аня посмотрела на себя под градом капель, летящих из душа. Стройные ножки. Кубики на прессе. Небольшая, но красивая грудь. Подтянутая попка идеальной формы. Ну точно будет пускать! Тогда ж Аня ему поможет ему их пододбать. Вместе с зубами.

Аня неспешно собралась, вышла из душа и направилась

к выходу.

– Ань, смотри, художник-то твой, как собачонка тебя все ждет! – заржал Федор, что еще недавно пускал слюни на маты от ее пропущенного.

– Федь, не заставляй меня делать тебе больно, ок?

– Да ладно, чего ты, мы ж шутим.

– Я? Нет!

– Потрахалась бы, что ль! Злая, как псина!

– Я тебя сейчас трахну, но тебе не понравится!

– А если понравится?

– Пока, Федь! Не болеей!

– И тебе до свидания!

– Никаких свиданий у нас не будет. Не для тебя мама ягодку растила.

Федор промолчал, а Аня поймала себя на мысли, что не дала в обиду художника, то есть полупокера. Не к добру все это. Не к добру.

– Тебя как звать-то? – спросила Аня у бедолаги.

– Родион.

– Имя-то у тебя вон какое мужицкое. Ого-го. Родио-о-о-о-о-н. А ты вон какой дохленький! – Аня слегка ударила по плечу, так сказать, по-братски, но художнику этого хватило, чтобы его бречное тело переместилось на полметра.

– Давайте я вам покажу свою мастерскую. И мы там все обсудим.

– Родя, ты меня сейчас в подвал какой-то затащить со-

брался? – засмеялась Аня и как-то буднично сообщила: – Ты смотри у меня, если ты насильник там какой, то я тебе все зубы повыбиваю.

– Да нет, что вы, Анна, Анна, что вы. Я к вам исключительно с творческим интересом. Лик ваш превосходный идеально ляжет на холст. Да и не подвал это. Бывшее помещение швейного цеха.

– Так это ж вон за тем домом, я знаю.

– Ну да.

– Ладно, маньяк, веди в свое логово.

Старое красное кирпичное здание раньше принадлежало швейной фабрике, а теперь тут чего только нет. Магазины с ширпотребом. Ломбард. Рюмочная, у которой всегда терлись забулдыги. И Родина мастерская. На железной двери, что отделяла ее от внешнего мира, присутствовало тоже своего рода искусство. Наскальная живопись, оставленная каким-то недорослем, в виде детородного органа. А чтобы замысел уличного художника был интерпретирован в верном русле, снизу он так и подписал: «Хуй!».

– Нам сюда! – копошась в замочной скважине, сказал Родя.

– Какая-то хуевая у тебя дверь! – хохотала Аня.

– Да я закрашивал, а они снова рисуют. Я решил не обращать внимания.

– А если по щам малолеткам надавать?

– Ой, что вы, что вы, Анна. Они ж дети!

– Постарше станут, потом тебя же тут гопнут, а ты все будешь говорить: «Они же дети!»

– Проходите, Анна! – он галантно придержал для дамы дверь.

– Слышь, маньячелло! Давай-ка ты первый пойдешь! А то дашь мне по башке чем-нибудь тяжелым и все, пиши пропало.

– Да вы что-о-о? Я... никогда!

– Да ладно тебе, не пыхти! Пошли уже!

За длинным темным коридором с мигающей лампочкой, как в самом заправском триллере, была лестница, которая вела на второй этаж. После нескольких минут, проведенных в темноте, глаза Ани не сразу привыкли после попадания в светлую комнату с большим окном, выходящим на внутреннюю территорию бывшей швейной фабрики.

В мастерской, говоря по-русски, был конкретный срach, который Родя называл творческим беспорядком. Какие-то треноги, недорисованные, вернее недописанные картины, холсты, краски, грязные кисти.

– Ну вот тут я и творю. А вот здесь, – он забежал на небольшой постамент и с восторгом сообщил: – здесь вы будете мне позировать.

– А чего делать-то?

– Просто сидеть и не двигаться, а мастер сделает свое дело.

– Ты это не выебывайся, мастер!

– Милочка моя! Вы так мило материтесь, даже нисколько не режет слух.

– Еще раз назовешь меня милочкой своей, слух твой прежет моя нога.

– Анна, отбросьте агрессию и погрузитесь в творческий поток. Смотрите, как же это прекрасно! – Родя закружился вокруг своей оси.

«Долбоеб!» – подумала Аня, но вслух не сказала.

– Может, чаю или кофе?

– Кофе!

Родя, изображая балеруна, в несколько прыжков доскакал до старого советского холодильника «Орск», который больше напоминал саркофаг, и выудил оттуда бутылку с молоком.

– Вам с молоком?

– Мне черный! С молоком это для педиков!

Родя решил не ставить свою ориентацию под сомнение пред своей музой и поставил бутылку обратно.

– Ваш кофе!

– А ты долго еще вокруг меня скакать будешь?

– Вы ж муза моя! Муза, что заставляет мою душу петь. Это самое малое, что я могу для вас сделать.

Аня вообще не привыкла к тому, что за ней кто-то ухаживал, ибо за этим всегда скрывался какой-то подвох, но сейчас ей почему-то это нравилось. И дверь подержал. И волновался за ее голову, когда шли по темным коридорам, указы-

вая на торчащие из стены куски арматуры. И кофе сделал. И конфеточек дал. И никакого намека на секс. Что же замышляет этот полупокер?

– Анна, душенька моя! Когда вам удобно встречаться со мной?

Кровь в теле музы стала подкипать, а глаз подергиваться.

– Так, Родя, тебе когда-нибудь ломали пальцы?

– Н-н-нет, а что?

– Так вот это последнее китайское предупреждение. Еще раз назовешь меня милочкой, душенькой, хуюшенькой, я тебе точно пару пальцев сломаю. Понял?

– Х-х-хо-ро-ш-ш-ш-о!

– По воскресеньям.

– Про-с-с-с-ти-те, что по вос-с-с-с-кре-с-с-с-еньям?

– Родя, не тупи, свободная я по воскресеньям. Где-то с 10 до 12 перед «треньей» могу забегать.

– Это лучшая новость в моей жизни, Анна.

– Спасибо за конфетки, я побежала. Не провожай! У меня пятерка по топографии. Дорогу запомнила.

– Прощайте, Анна! – с грустью в голосе сказал художник.

Аня шла домой и размышляла, как вообще могло такое случиться, что она нашла общий язык с каким-то дохлым полупокером, да еще и согласилась тусить с ним раз в неделю. Наверное, любопытство, не более. Однако в мысли ее всю неделю закрадывалась грядущая встреча.

В воскресенье у хуевой двери ее ожидал Родя.

– Давно стоишь?

– Давно, боялся, что вы придете, а тут закрыто и уйдете.

Мое сердце бы не пережило этого.

– Какой же ты ванильный, Родя, аж блевать охота.

– И я вас рад видеть, Анна.

– Здравов. Пошли уже рисоваться. Или как там правильно.

– Конечно, конечно, после вас, – он снова галантно придерживал хуевую дверь, пропуская даму вперед.

– Какой же ты кавалер, Родион! Охуеть просто!

Так Аня стала натурщицей. Кто бы мог подумать? Она лишь просто сидела на старом советском кресле, а Родя что-то малевал на своем холсте, периодически выдавая фразы типа: «Великолепно!», «Превосходно!», «Восхитительно!». Ей не нравилось долго сидеть на своем месте, но что не сделаешь ради искусства.

И так воскресенье за воскресеньем.

Родион не показывал ей свое творение, даже несмотря на Анины угрозы, а она умела быть убедительной.

– Это как платье невесты жениху до свадьбы увидеть!

– Родя, тебе не кажется, что ты сейчас втираешь мне какую-то дичь? Что ты вообще нашел во мне? Я же обычная. Ничего такого во мне нет.

– Вы заблуждаетесь, Анна. В женщине столько всего прекрасного. Свет, что излучают они, дарует миру счастье. А в вас горит ярчайший огонь. Чистая энергия. Я как увидел вас, сразу понял, что вон она – моя муза. Восхитительная из

восхитительных. Красота лица вашего – самое что ни на есть искусство. В вас течет жизнь, а естество влюбляет в себя.

«Гладко стелет фразерок», – подумала Анна, но вслух сказала: – Слова твои сладки для любой дамы, – а затем поняла, что сказала, и снова поток мыслей накрыл ее: «Аня, слова твои сладки? Что за розовая блевотня? Он плохо влияет на тебя! Ты становишься мягкотелой! Аня, ты боец, что за слова твои сладки? Беги отсюда. Быстрее беги!»

– Ой, прекратите, Анна, что вы, что вы? Не принижайте себя. Ваш поток, транслируемый в мое сознание, рождает шедевр, я чувствую это. А вы чувствуете связь между музой и художником?

Аня молча сидела и не понимала, что происходит. Словно гипнозом он словами своими залезал ей в душу и разбавлял ее границы черноты цветными оттенками. Ей безумно нравился процесс. Ей нравилось быть здесь. Она боялась себе признаться в этом. Какая-то магия удерживала ее. Магия руки Родиона, что мастерски водил ей по холсту. Что же он там делает?

– Мне кажется, что мы ближе, чем вы думаете.

– Да?

– Вот ваши боевые искусства не зря ж называли искусствами. Как говорил кто-то из великих: «Порхай, как бабочка. Жаль, как пчела!»

– Мохаммед Али, – с осуждением посмотрела на него Аня, мол, стыдно не знать такие вещи.

– Да, точно. Вот вы, когда на ринге, тоже творите. Каждое движение – это искусство. А наслаждение? Вы же испытываете наслаждение от процесса?

– Ну да.

– А от побед оно стократно?

– Наверно, я не замечала.

– А вот обратите внимание. Мы с вами, Анна, оба своего рода творцы. Именно эта сила связала нас. Спасибо Вселенной!

– На сегодня, пожалуй, закончим, – Аня встала, взяла свой рюкзак и отправилась на выход.

– Но еще есть время! – обиженно воскликнул Родион.

– Пока!

Аня пулей вылетела из мастерской. Ей действительно стало неловко, когда столько времени поют дифирамбы. Она за всю жизнь не слышала столько восторга о своей личности, сколько за встречи с этим чудиком. Еще больше ее пугало то, что он начинал ей нравиться. Пацаны не поймут, но какое вообще ей дело до их мнения? Мнения отбитых и жаждущих. Им нужно лишь жрать, бить друг другу морды и трахаться. Буря накрывала Аню. Буря, с которой она не знала, как справиться. А маяк на горизонте все не появлялся и не появлялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.